

СОН ОДДИ ЗВЕЗДОЧЕТА

1

ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА ЗВАЛИ ТОРД. Он жил на хуторе Мули на севере в Долине Дымов¹. Среди его домочадцев был тогда человек по имени Одди сын Хельги. Его прозвали Одди Звездочет². Он был такой знаток календаря, что в то время не было ему в этом равных во всей Исландии, и еще был он сведущ во многом другом. Скальдом он не был и не хранил в памяти стихов. Рассказывают еще, что люди очень прислушивались к его советам. Он никогда не лгал и, если знал, всегда говорил правду, и потому считался человеком прямым и заслуживающим доверия. Он был беден и не слишком усердный работник.

Надо рассказать о том, какой с этим Одди произошел удивительный случай. Торд, его хозяин, послал его на Плоский Остров³ ловить рыбу, и об этой их поездке известно только, что она была удачной. На острове его хорошо принимали, но не говорится, кто там жил. А теперь надо сказать, что вечером, когда люди стали укладываться спать, Одди также устроили на ночлег и хорошо о нем позаботились. И оттого, что Одди устал с дороги и у него была удобная постель, он быстро засыпает, и ему сразу же начинает сниться сон. Представляется ему, что он дома в Мули и что туда явился гость, и будто уже наступил вечер, и люди собираются ложиться спать. Гостя попросили развлечь остальных, и он принялся рассказывать сагу, и начиналась она так.

2

Одного конунга звали Хродбьярт, он правил на востоке в Гаутланде⁴. Он был женат, и жену его звали Хильдигунн. Их единственный сын звался Гейрвид. С ранних лет он был хорош собой, умен и во всем превосходил своих сверстников. Он был еще ребенком, когда начиналась эта сага.

Теперь надо рассказать о том, что Хродбьярт конунг поставил управляющим над третьей частью своей державы ярла по

имени Хьёрвард. Был он тоже человек женатый, и жену его звали Хьёргунн. Их единственная дочь звалась Хлегунн. О ней говорится, что в детстве с ней было нелегко ладить, и чем старше она становилась, тем делалась более своенравной. Рассказывают также, что ей были не по нутру все женские занятия. Вошло у нее в обычай повсюду расхаживать в доспехах и при оружии⁵, и она либо ранила, либо лишала жизни всякого, кто посмел стать ей поперек дороги или чем-то ей не понравился.

Хьёрварду ярлу, ее отцу, был сильно не по душе ее трудный нрав, и он считал неподобающими творимые ею беззакония. И вот он объявляет ей без обиняков, что впредь не намерен больше мириться с таким ее поведением, и либо она исправится, —

— Либо убирайся отсюда, да поскорее!

Как только Хлегунн ярлова дочь услышала о желании своего отца, чтобы она покинула его двор, она отвечает, что не собирается там дольше задерживаться, и требует от своего отца, чтобы он дал ей три боевых корабля с полным военным снаряжением и командой и пусть все там будет самое отменное и столько воинов, сколько она сама сочтет достаточным. И если все будет исполнено, как она потребовала, она охотно уедет из дому. Хьёрвард ярл с готовностью на все согласился, лишь бы она поскорее убралась, потому что полагал — и справедливо, — что от ее пребывания там можно было ожидать только еще больших неприятностей.

Затем он повелел снарядить три боевых корабля всем самым отборным, и когда приготовления были закончены, Хлегунн ярлова дочь отбыла из страны с этим войском и с той поры проводила жизнь в викингских походах и грабежах, стяжав себе в них богатство и славу. Рассказывают, что покуда был жив ее отец, она так и не возвратилась домой.

Теперь пора перенести сагу в другое место и рассказать о том, что когда Гейрвиду, сыну Хродбьярта конунга, было восемь лет от роду, на Хродбьярта конунга напала хворь, и небольшое можно об этом поведать, кроме того, что эта болезнь в конце концов привела к смерти конунга. Все его друзья и приближенные сочли большой утратой потерю такого государя, и были правы, и в этом с ними были согласны все жители страны. Затем было решено

справить пышную тризну, и на нее были приглашены все самые могущественные люди и знатнейшие хёвдинги⁶ страны. Были также разосланы приглашения всем, кто хотел попасть на этот пир, будь то местные жители или чужеземцы, чтобы никому не пришлось явиться туда незванным. На этом пиру, на который собралось великое множество народу, люди пили кубок в память Хродбьярта конунга, прославляя его и воздавая ему почести, как это подобало человеку его положения и достоинств. По окончании тризны конунг был похоронен в кургане по древнему обычаю, принятому тогда у знатных людей.

3

Теперь надо рассказать о том, что после того, как в стране произошло это великое событие, все мудрейшие мужи и самые верные друзья конунга решили, что им надлежит взять себе другого конунга и правителя вместо того государя, которого они лишились. И столь велика была любовь всех жителей страны к Хродбьярту конунгу, пока он был жив, что люди не пожелали избрать своим правителем никого другого, кроме Гейрвида, его сына, потому что хотели, чтобы власть конунгов оставалась в его роду и ни к кому не переходила. И хотя Гейрвид был в то время еще совсем юн и мало подходил для того, чтобы возложить на него управление державой, все жители страны тем не менее охотно пошли на такой риск и доверили ему престол при условии, что за ним станет присматривать королева, его мать, поскольку она была женщина весьма разумная и достойная во всех отношениях.

И вот спустя недолгое время после того, как такой молодой человек как Гейрвид сделался конунгом и начал управлять великим народом, власть в стране, как и следовало ожидать, стала быстро ослабевать. Поредела и государева свита, потому что многие дружинники стали искать себе другие занятия. Одни отравились в викингские походы, другие отбыли в торговые поездки в разные страны. Однако же, каким бы скверным ни показалось то, о чем тут говорилось, в правление этого молодого конунга должно было случиться еще немало новых бед.

В саге рассказывается о том, что в лесу Йоруског⁷, который находился во владениях этого молодого государя, засели два злодея. Эти грабители убивали людей, чтобы завладеть их добром, и были все равно что берсерки⁸. Одного из них звали Гарп, а другого Гню⁹. Говорится, что люди не осмеливались ездить там поодиночке. Чтобы покончить с разбойниками, на их поиски в лес то и дело отправлялись большие отряды, но сколько бы народу их ни разыскивало, найти их так и не удалось. Так продолжалось до тех пор, пока Гейрвиду конунгу не исполнилось двенадцать лет. Когда он достиг этого возраста, он был не менее рослым и сильным, чем многие зрелые мужи из числа самых видных и тех, кто уже успел проявить себя наилучшим образом.

Как-то раз, когда Гейрвид конунг сидел за столом со всеми своими людьми, он произнес такую речь:

— Всем вам, моим подданным, известно, что до сих пор я был юн годами и мне не доставало силы, а потому я принимал мало участия в управлении державой. Я и сам об этом частенько слышал, и этого следовало ожидать. Но нечего удивляться, что прежде от меня было немного проку, ведь всему виной моя молодость. Теперь же мне минуло двенадцать зим, и я вошел в возраст, когда мне пора испытать себя и узнать, стоит ли ожидать, что мое могущество будет и дальше расти и усиливаться. Уже сейчас немногие из моих сверстников успели возмужать больше, чем я. Я объявляю вам всем, моим друзьям и подданным, что собираюсь сам отправиться навстречу этим берсеркам, Гарпу и Гню, которые разбойничают в лесу Йоруског, и сразиться с ними. И я не намерен возвращаться, пока они живы, — либо я одержу над ними верх, либо они надо мной.

Когда Гейрвид конунг закончил свою речь, первой ему ответила королева, его мать, и ее поддержали все самые знатные люди страны. Все они в один голос упрашивали конунга захватить с собой побольше народу и получше вооружиться, раз уж он решил выступить против разбойников.

Гейрвид конунг отвечает:

— Я все хорошенько обдумал, прежде чем объявить вам о своем решении. Сдается мне, что даже если я и одолею берсер-

ков, не много славы принесет мне такой поход, коли я выставлю против них большое и хорошо вооруженное войско. И для меня будет бесчестьем, если их не удастся разыскать и мне придется воротиться назад с пустыми руками. Случись так, это стало бы для меня позором. А потому я намерен отправиться в эту поездку всего только с одним человеком, и пусть судьба решает, каким будет наше расставание с разбойниками. Может статься и так, что мы покроем себя славой в этом походе, но чем бы дело ни кончилось, я собираюсь пойти на риск и совершить то, что задумал. Я оттого и завел с вами нынче этот разговор, что хочу знать, кто из вас больше других желает сопровождать меня в этой поездке. Но кто бы ни был человек, решившийся отправиться вместе со мной, пусть он отзовется немедленно. И знайте: для меня это вопрос решенный, и даже если не найдется никого, кто будет готов сопровождать меня, я все равно отправлюсь в путь, пускай и в одиночку.

Рассказывается, что после этого заявления конунга сама королева первой принялась на разные лады отговаривать его от этой поездки, говоря, что его намерение безрассудно, — и так оно и было, — поскольку эти разбойники — настоящие демоны, тогда как слишком многое было поставлено на карту, — жизнь самого конунга. Все были уверены, что ему должно было меньше повезти в столкновении с разбойниками, и коли так и выйдет, вполне можно было ожидать его гибели, особенно памятуя о том, что конунг их был еще совсем молод, а берсерки полны отваги. Все друзья конунга настойчиво отговаривали его от этого похода. Они считали, что, если он захватит с собой только одного спутника, он — конченный человек.

Конунг отвечал на это, что им не удастся принудить его изменить свое решение.

Когда же они убедились, что им не отговорить его, слово взял человек по имени Дагфинн. Он был приближенным конунга и королевским скальдом.

— Государь, — говорит он, — я не знаю никого другого, кто был бы в большем долгу перед тобой, чем я. Поэтому чем большей опасности ты себя подвергаешь, тем меньше мне пристало расставаться с тобой, если только ты согласен принять мою по-

мощь и взять меня в спутники. Я готов сопровождать тебя в этом походе, когда тебе будет угодно.

4

Надо сказать, что как только этот человек, Дагфинн, был назван в саге, во сне Одди тотчас приключилось нечто весьма удивительное. Мнится Одди, что он сам и есть этот человек, Дагфинн, а гость, который рассказывал сагу, выходит теперь и из рассказа, и из сна, тогда как ему представляется, что это он сам видит и знает все, что с той поры происходит во сне. Отныне сон должен рассказываться так, как это все виделось самому Одди. Казалось ему, что он — Дагфинн и собирается выступить в поход с конунгом Гейрвидом.

И когда они снарядились, они отправились вдвоем в путь, захватив оружие, и странствовали так до тех пор, пока не добрались до леса Йоруског, где они рассчитывали застать разбойников. Деревья там росли так, что между ними оставалась широкая дорога. Рассказывается, что когда они углубились далеко в лес, они увидели перед собой высокий холм, крутой, с какой стороны к нему ни подойти. Они взобрались на него, чтобы оглядеться и разведать, не заметно ли чего сверху. Холм этот был усеян множеством камней. С вершины его им было далеко видно.

Тут они замечают двоих людей. Были они велики ростом и направлялись напрямик к холму, на котором стояли конунг с Дагфинном. Оба они были хорошо вооружены. Стоило конунгу и Дагфинну завидеть этих людей, как они сразу же догадываются, что это не кто иные, как Гарп и Гню.

Тогда Дагфинн сказал:

— Государь, я должен предупредить вас, что я не очень-то привычен к сражениям и к тому же не слишком полагаюсь на свою храбрость и умение обращаться с оружием. Поэтому я хочу предложить вам на выбор: желаете ли вы, чтобы я вместе с вами напал на берсерков, или вы предпочитаете, чтобы я наблюдал за вашим боем с этого холма и потом смог обо всем поведать другим?

Конунг отвечает:

— Раз уж ты сам не знаешь, на что решиться, по мне, так лучше тебе оставаться здесь, на холме, и следить издалека за нашим боем, не приближаясь к месту сражения.

Дагфинн последовал совету конунга. Он остался на холме и не стал приближаться к месту сражения, решив, что самое разумное держаться от него подальше, а конунг спустился вниз навстречу разбойникам. Не берусь рассказать точно, как они там обменивались ударами, скажу лишь, дабы ускорить рассказ, что в конце концов судьба распорядилась так, что конунгу выпали жизнь и счастье, потому что он победил обоих злодеев, они же скончались от тяжелых ран, которые им нанес конунг.

После того, как разбойники пали, конунг с Дагфинном продолжили свой путь, пока не дошли до места, где от главной дороги в лес отходила тропа. Они успели уйти по этой тропе совсем недалеко, как вдруг очутились на большой поляне в лесу. Там стоял дом, высокий и добротной постройки, дверь его была крепко заперта, а ключ припрятан за притолокой. Они отперли дверь и вошли. Внутри дом был богато убран и чуть не доверху полон всевозможных сокровищ. Они заночевали там, и не было у них недостатка ни в доброй браге, ни в изысканных яствах, а утром они отправились в обратный путь, но прежде похоронили разбойников.

А когда конунг прибыл в свою державу, слух о его подвиге и одержанной им славной победе разнесся далеко по всей стране. Друзья и родичи конунга возрадовались тому, что он воротился домой с великой победой, и все считали, что он точно из ада вырвался, да так оно и было.

5

После этих событий конунг созывает тинг, и на него стекается великое множество народу. И когда все были в сборе, конунг объявил эту важную новость, и все сочли, что Гейрвид конунг покрыл себя большой славой — как оно и было, — в одиночку одолев таких могучих воинов.

Потом Гейрвид обратился к людям, чтобы они посетили дом, в который злодеи сносили награбленное добро, и чтобы каждый

взял там то, чего он лишился. Однако все решили отдать это свое добро конунгу, говоря, что пусть уж лучше он им теперь владеет и что оно ему досталось по праву. Тогда конунг приказал забрать все это богатство и стал им владеть.

После этого конунг повелел приступить к работам и соорудить курган, на котором он будет сидеть¹⁰. И вот конунг взошел на престол, который стоял на кургане, и люди стали почитать его еще пуще прежнего и нести ему новые дорогие подарки, и все поклонялись ему так, как только могли.

Рассказывается о том, что Дагфинну скальду пришло на ум, что ему, как никому другому, пристало прославить конунга в хвалебной песни. Тогда Дагфинн восходит на курган к конунгу, падает перед ним на колени, кланяется и учтиво приветствует его. Он говорит, что сложил о нем песнь, и просит выслушать его. Конунг милостиво согласился.

Дагфинн взял слово и начал произносить песнь, и это был флокк¹¹. Когда песнь была окончена, конунг поблагодарил за нее, а с ним и все, кто там был, и все сказали, что она хорошо сложена и прославляет их конунга так, как это и приличествует его званию и заслугам. И как только конунг услышал, что все одобряют и расхваливают песнь, он захотел проявить великодушие и щедро вознаградить скальда, пожаловав ему большое золотое обручье со своей руки.

Однако Дагфинн не пожелал принять это обручье и сказал, что стремится лишь к одному — быть в чести у конунга и пользоваться его уважением, а что до его богатств, то они, мол, ему ни к чему, и он ни в чем не нуждается, пока его конунг находится в добром здравии, —

— Но найдется немало других, кто надеется получить от вас награду.

Конунгу понравились его слова.

6

Следующее, о чем надо рассказать, это что Хьёргунн, жена Хьёрварда ярла, опасно заболела, и — нет нужды тратить попусту много слов — в конце концов эта болезнь привела к смерти

Хьёргунн. После этого по ней справили тризну и похоронили ее, как было принято по древнему обычаю, со всеми почестями, подобающими знатным женам. Ярл, как и следовало ожидать, счел смерть своей королевы большой утратой и очень горевал о ней, а с ним и многие другие.

Прошло не так много времени, и друзья ярла принялись утешать его, чтобы он взял себе другую жену. Он спросил, где, по их мнению, ему следует искать себе достойную супругу. Они стали советовать ему просить руки королевы Хильдигунн и говорили, что брак с ней очень упрочил бы его положение, если его предложение будет принято. И поскольку такие разговоры часто велись в присутствии ярла, он и сам начал так думать, потому что был человеком умным.

Затем он посватался и попросил себе в жены Хильдигунн королеву. Ей в то время было не больше сорока лет отроду, и этот брак считался наилучшим во всех отношениях. Долго ли, коротко ли об этом договаривались, но наконец было решено выдать королеву за Хьёрварда ярла с согласия конунга, ее сына. После этого приготовили обильное угощение и сыграли свадьбу Хьёрварда ярла и Хильдигунн королевы с большим великолепием и всяческими почестями. По окончании пира все разъехались по домам. Между супругами вскоре возникла большая любовь, и их совместная жизнь была счастливой, а спустя недолгое время у них родилась дочь, и ее назвали Хладрейд.

Рассказывается, что после рождения Хладрейд брак ярла и королевы продлился недолго. Случилось так, что вскоре вслед за тем на ярла напала хворь, и дело закончилось тем, что от этой хвори он умер. Его смерть была сочтена большой утратой, потому что он был достойным правителем. Гейрвид конунг поставил тогда своих людей управлять землями, которыми прежде правил ярл, и присоединил их к своим владениям. Новость эта разнеслась повсюду, как и можно было ожидать в случае смерти такого государя.

И вот весть эта доходит до Хлегунн, дочери Хьёрварда ярла, и она узнает о том, что ее отец умер, когда она совершает набег и грабит в викингском походе. Это известие так на нее подействовало, что она поворачивает все свое войско, возвращается в Га-

утланд, и начинает там воевать. Дело кончилось тем, что она отвоевала все земли, которыми прежде владел ее отец. Тогда она посылает гонцов к Гейрвиду конунгу и велит передать ему, что предлагает ему одно из двух: либо он отдаст ей половину своего королевства и поступится своей единоличной властью, либо она назначает ему встретиться с нею в проливе Сильдасунд со всем своим войском и сразиться, и пусть тому из них достанется победа и добыча, у кого больше удачи.

7

Теперь надо рассказать о том, что посланцы Хлегунн отправились в путь. Это были щитовые девы. Они прибыли к конунгу и передали ему ее поручение.

И когда он услышал требование Хлегунн, он сразу же ответил:

— Выбор невелик, тем легче будет принять решение: по мне, куда лучше сразиться с ней, чем уступить свои владения.

Гонцы воротились к Хлегунн и сообщили ей, как обстоит дело, и она осталась очень довольна их поездкой.

Теперь пора рассказать о том, что Гейрвид конунг собирает войско по всей стране, и каждый, кто был способен держать щит или метать копье, должен был выступить в этот поход.

Надо сказать, что по одну сторону пролива выдавался мыс, который именуют Ховсхёвди¹², у этого мыса был назначен сбор войска конунга. Как только Гейрвид конунг снарядился, он повел своих людей на корабли. Был там вместе с конунгом и Дагфинн скальд. А когда они спускались вниз к кораблям, случилось нечто такое, о чем стоит упомянуть, хотя это происшествие и может показаться совсем ничтожным, — у Дагфинна скальда развязался башмак. Он завязывает шнурки и тут просыпается, и, как и следовало ожидать, это был опять Одди, а вовсе не Дагфинн.

После этого видения Одди вышел из дому и понаблюдал за звездами, как он имел обыкновение делать по ночам всякий раз, когда звезды были видны. Он стал вспоминать свой сон и припомнил его целиком, кроме песни, которую, как ему привиделось, он сочинил во сне, за исключением тех вис, что здесь записаны:

1

Явились в лес
Йоруског на восток
злодеи-братья,
злые оба.
Грабили люто,
губили люд,
гибель несли
те двое многим.

2

Восстал витязь,
славы алкал
кормилец волка,
сердце — кремнь.
Страх не ведал,
сразу сразил
Гарпа и Гню
Гейрвид конунг.

3

Раздал злато
Родбьярта сын¹³ —
дланью щедрой
кольца делил,
дарил народу
вдоволь добра —
добычу всю,
что братья награбили.

4

Бесстрашен в бою
не берег обручий —
добр к дружине
друг гаутов¹⁴,
в чертоге князем
наделял каждого

льдяной лавиной
престола сокола¹⁵.

5
Сложена песнь.
Словом славным
должен Дагфинн
хвалу досказать.
Да будет в радость
владыке ладному
долго княжить
в державе гаутской.

8

После того, как Одди провел столько времени, сколько ему хотелось на дворе, он возвратился в свою постель и тотчас уснул. И стало ему опять сниться то же, что и в прошлый раз, до того, как он пробудился. Представляется ему, что он завязал шнурки на башмаке и что он — Дагфинн и спешит к кораблям. Кажется ему во сне, будто он кормчий на своем корабле.

Когда все приготовления были закончены, они отправились в плавание со всеми кораблями и находились в пути, пока не достигли мыса. Там, как было условлено, собралось все войско конунга, и оттуда они двинулись в пролив Сильдасунд. Рассказывается, что Хлегунн щитовая дева также явилась туда и стояла в проливе со своими кораблями. У нее была несметная рать, готовая к сражению.

Затем корабли противников выстроились в ряд друг против друга и вступили в бой. Завязалась жаркая битва, и очень скоро и в том и в другом войске было много убитых, а спустя еще некоторое время войско конунга стало нести такие тяжелые потери, что на его кораблях сильно поубавилось народу.

Упоминается также о том, что в тот день Хлегунн не было видно среди сражающихся, хотя люди конунга прикладывали все усилия, чтобы разыскать ее, и это казалось странным. Так продолжалось довольно долго, пока Дагфинн сам не пустился на по-

иски Хлегунн, призвав на помощь всю свою смекалку, и увидел ее как раз тогда, когда она добралась до конунгова корабля. Она сильно переменилась. Видит он, что у нее голова волчицы, гигантская, точно у троллихи, и она отгрызает головы людям конунга.

Как только Дагфинн увидел это непотребство, он поспешил покинуть корабль, которым управлял. Его корабль находился далеко от корабля конунга. Он стал перебегать с одного корабля на другой¹⁶, пока не добрался до конунгова корабля. Представ перед конунгом, Дагфинн рассказал ему, какие там творились неслыханные вещи. После этого он указал конунгу место, где была Хлегунн, чтобы тот и сам мог ее увидеть, однако конунгу не удалось разглядеть ее из-за ее колдовства¹⁷, и все, что он увидел, это как десятками падают мертвыми его люди. Тогда Дагфинн попросил конунга посмотреть на нее из-под его левой руки, и тот так и поступил. Стоило ему это сделать, как он увидел Хлегунн. Затем они оба направились с кормы к мачте. Тут конунг бросился вперед с обнаженным мечом, и как только он приблизился к Хлегунн настолько, что мог дотянуться до нее, он наносит ей удар. Удар пришелся ей прямо по шее и снес голову, так что она упала за борт.

После того, как Хлегунн пала, конунг предлагает ее людям на выбор: либо продолжить биться с ним, либо сдаться на его милость. Они без колебаний предпочли отдаться под власть конунга. Затем Гейрвид конунг покинул место сражения и подчинил себе все земли. Он поставил над ними своих сюсюманнов¹⁸ и водворил мир во всей державе.

После этого конунг возвратился домой, и в его честь был устроен великолепный пир. Немного погодя был создан тинг, и на него явилось множество народа. На этом тинге Гейрвида конунга вновь усадили на престол, подняли на курган, на котором он восседал прежде, и провозгласили государем и правителем всего Гаутланда. Один за другим на курган поднимались хёвдинги, воздавали конунгу почести, и каждый из них старался оказать ему уважение, как только мог.

Скальду Дагфинну пришло тут на ум, что ему, как никому другому, подобает почитать конунга. Тогда он взошел на курган и

учтиво приветствовал конунга. Тот с радостью ответил на его приветствие. Дагфинн говорит конунгу, что он опять сложил о нем хвалебную песнь, и просит выслушать его, так как ему хотелось бы произнести ее сейчас же. Конунг отвечает, что охотно послушает песнь.

Дагфинн взял тогда слово и исполнил песнь, которую, как ему привиделось, он сложил во сне, и это была драпа в тридцать вис¹⁹. А когда песнь была окончена, конунг хорошо поблагодарил за нее скальда. Он снял с руки тяжелое золотое обручье и отдал его Дагфинну в награду за поэзию, но тот не захотел принять это обручье, сказав, что у него всего вдоволь, покуда его государь жив и здоров. Однако тут Гейрвид конунг объявил Дагфинну, что намерен отличить его больше, чем кого бы то ни было другого во всей своей державе, и пообещал устроить его женитьбу. Конунг сказал, что сосватает ему любую невесту в стране, какую тот только пожелает выбрать себе в жены.

Как и следовало ожидать, Дагфинну пришла в голову весьма по вкусу эта речь и известие, что конунг собирается так его отличить, и он отвечает:

— Если вы и вправду намерены выполнить свое обещание, я не стану скрывать, что выбор, который был бы мне всего милее, в первую очередь зависит от тебя самого.

Конунг сказал:

— И кто же та женщина, которую ты имеешь в виду?

Дагфинн отвечает:

— Это Хладрейд, твоя сестра. Она — та женщина, которую мне всего больше хотелось бы получить в жены, а иначе, сдается мне, не может быть и речи ни о каком сватовстве.

Конунг сказал, что не должно быть никаких проволочек ни с чем, что, по мнению Дагфинна, могло бы принести ему еще больший почет.

Хладрейд, конунгова сестра, хотя и была тогда еще в весьма юном возрасте, уже созрела для замужества. Она была женщина видная и красавица, каких мало, и к тому же мастерица на все руки.

Долго ли, коротко ли они об этом толковали, но дело завершилось тем, что Хладрейд была обручена с Дагфинном скаль-

дом. Затем были сделаны все приготовления к свадебному пиру и устроено такое отменное угощение, что не было там недостатка ни в чем, чего только можно было пожелать. На этот пир получили приглашение все самые знатные люди в стране. Сыграли тогда свадьбу на славу и с большим великолепием, а когда пир закончился, все гости разъехались по домам. Вскоре между Дагфинном и Хладрейд возникла большая любовь, и их совместная жизнь была очень счастливой.

И тут после этой превосходной женитьбы Дагфинна, о которой только что было рассказано, сон заканчивается, и тот, кто на самом деле был Одди, пробуждается.

9

Принялся тогда Одди обдумывать свой сон и вспомнил его весь — и то, что в нем случилось сперва, и то, что потом. Тогда он попытался вспомнить драпу, которую, как ему привиделось, он сложил позднее, однако ему не удалось припомнить ничего, кроме тех одиннадцати вис, что здесь записаны, и это было начало песни²⁰:

1. Прочь от берега Гейрвид
— поросль вод²¹ оставил
струг — тропой прибоя²²
гнал коня каната²³.
Рать ретивый бросил
в бурю без оглядки,
ветр, знай, треплет парус,
гнет вершину мачты.
2. Вдаль ладья летела;
хляби облик гадов.
Мчит героев храбрых
мерин рей²⁴ лихо.
Мне ль поход не ведом
войска величавый?
Гаутов был конунг
Гейрвид достославный.

3. Плыли мимо мыса
 Хов — совету внемля
 внятному охотно —
 гонители Гёндуль²⁵,
 пока в Сильдасунде
 не сошлись с врагами
 клены лат²⁶ и стали
 сталь пытаться в сраженье.
4. Залегло в заливе
 злобной девы войско
 — *сулит лихо князю*, —
 схоронясь до срока.
 Но ладьи завидев,
 враз восстали рати;
 шел, покрыт шеломом,
 всяк в бой Браги брани²⁷.
5. Ждать призыва к битве
 не заставил витязь;
 табун гнала глади²⁸
 Хлегунн им навстречу.
 Рьяно рубят рдяны
 раны Ньёрды копий²⁹.
Гаутов был конунг
Гейрвид достославный.
6. Ливня стрел искатель³⁰,
 — властный князя, — сея
 смерть, растил усердно,
 — сродник³¹, — скрежет жести³².
 В зареве сраженья
 закат ал, стемнели
 волны, пенной полны
 враньей браги³³ терпкой.

7. В вихре дротов³⁴ дружен
 ратный труд дружины,
 глад умерить Гёндуль³⁵
 мужи поспешили.
 Дивно Гейрвид колет
 в Хлёк³⁶, копьё купая
 в ранах, — видел волос,
 кровью окропленный.
8. В хрусте Христ³⁷ теснили
 недругов герои,
 знати, знать, немало
 под знаменем князя.
 Не слышал о силе,
 равной этой рати.
Гаутов был конунг
Гейрвид достославный.
9. Ведьмы волчеглавой
 ведома мне ярость,
 воем Хлегунн гнусным
 оглашались волны.
 В плоть впивались пасти
 копья³⁸, рвали в раже
 вражьи чресла, сея
 ужас в стане князьем.
10. Шел межой моржовой³⁹
 — *менял лыжи Ати*⁴⁰ —
 прямиком до главной
 кобылы я Гламми⁴¹.
 Конунгу поведал
 все о кознях злобной
 Герд браслета бездны⁴²,
 оборотне подлом.

11. Весть принес о Бестле
искры пясти⁴³ князю —
где искать невесту
тролля волчеглаву.
Скильвинг лука⁴⁴ скинул
Скульд звезды пролива⁴⁵
— *пасовать не думал*
Гейрвид — с пня пучины⁴⁶.

Здесь заканчивается сон, который приснился Одди Звездочету, и было о нем рассказано с его собственных слов. Видение это, конечно, может показаться удивительным и неслыханным, однако, по мнению большинства людей, он всего вероятнее должен был рассказывать только то, что, как ему привиделось, случилось с ним самим во сне, поскольку Одди считался человеком не только мудрым, но и правдивым. И не стоит удивляться, что стихи эти получились топорными, ведь они были сложены во сне.

- ¹ на хуторе Мули на севере в Долине Дымов — Рейкьядаль — местность на севере Исландии. Múli, возможно, означает “утес”, в Исландии эпохи саг неоднократно встречаются хутора, носящие это название.
² Одди Звездочет — О герое рассказа см. в статье к настоящей публикации.
³ Плоский Остров — Флатэй — остров у северного побережья Исландии (в Скьяльванди).
⁴ на востоке в Гаутланде — область расселения племени гаутов в центральной и южной Швеции (Ётланд).
⁵ ей были не по нутру все женские занятия. Вошло у нее в обычай повсюду расхаживать в доспехах и при оружии — В сагах о древних временах не раз появляются девы-воительницы, обычно именуемые в них “щитовыми девами” (skjaldr-mætt — это название употребляется ниже и в нашем рассказе), прообразом для которых, очевидно, послужили валькирии древнескандинавской мифологии и эпоса (ср. Брюнхильд в цикле о Сигурде). О непокорных и не признающих замужества воинственных девах-правительницах (meukóngr букв. “дева-король”), облачающихся в мужской наряд и проводящих время исключительно в воинских занятиях, повествует особая разновидность более поздних рыцарских саг (см.: Матюшина И.Г. Поэтика рыцарской саги. М., 2002. С. 87–90). Связь между северными щитовыми девами и греческими амазонками не установлена.
⁶ хёвдинги — höfðingi — букв. “главарь”, предводитель, вождь; так называли всех могущественных людей, возглавлявших местное население.

- ⁷ Йоруског — букв. “боевой лес”.
⁸ берсерки — Слово berserkr, по-видимому, значит “медвежья шкура”. Берсерки описываются как свирепые и неуязвимые воины, которые сражались без кольчуги и в бою приходили в такое исступление, что “ярились, как бешеные собаки или волки, кусали свои щиты и были сильными, как медведи или быки” (“Сага об Инглингах”, гл. 6 // Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980. С. 13). В сагах об исландцах, однако, берсерками скорее называют воинственных разбойников, которые обычно вызывают на поединок мирных жителей, убивают их, захватывают их имущество и отнимают жен.
⁹ Одного из них звали Гарп, а другого Гню — Имя Гарп означает “воинственный человек”, Гню — “звон оружия”.
¹⁰ курган, на котором он будет сидеть — Об обычае древних конунгов восседать на курганах умерших родичей или, как здесь, на специально сооруженных земляных насыпях, принимать на них посетителей, вершить суд и т. п. упоминается во многих сагах (см. об этом известную работу А. Ольрика: Olrik A. At sidde på høj. Oldtidens konger og oldtidens thulir // Danske Studier. 1909. Н. 1. S. 1–10).
¹¹ флокк — скальдическая песнь, представляющая собой цикл вис (flokkr — “группа”), связанных одной темой; в противоположность драпе (см. ниже) флокк не содержит стева. Здесь флокк сложен в размере квидухатт, близком к размеру эддических песней.
¹² Ховсхёвди — букв. “мыс капища”. В этом названии может содержаться намек на реальную топографию местности, в которой находился Одди: путь на Плоский Остров лежал через мыс Ховсхёвди в Долине Плоского Острова (Флатейрдаль). Высказывалось предположение, что и название Сильдасунд (“пролив сельди”), в котором происходит сражение Гейрвида с Хлегунн, появляется в рассказе неспроста: за ним может скрываться Пролив Плоского Острова (Флатейрсунд), где можно было рассчитывать на самый богатый в северной Исландии улов сельди.
¹³ Родбьярта сын — Гейрвид (Родбьярт — в оригинале норвегизированная форма имени Хродбьярт).
¹⁴ друг гаутов — Гейрвид.
¹⁵ лдяной лавиной престола сокола — т. е. серебром (престол сокола — рука, лдяная лавина руки — серебро).
¹⁶ Он стал перебегать с одного корабля на другой — Это было возможно потому, что по обычаю во время сражения корабли выстраивали в одну линию и связывали канатами, так что морской бой представлял собой столкновение двух рядов кораблей.
¹⁷ не удалось разглядеть ее из-за ее колдовства — Судя по всему, подобно некоторым героям “саг о древних временах”, Хлегунн скрывается под шлемом невидимкой (huliðshjálm).
¹⁸ поставил над ними своих сюсюманнов — Королевский управляющий и сборщик податей. Норвежский социальный термин, известный с конца

ХII в. Сюсломанны (*sýslumenn*) назначались конунгом для выполнения административных и фискальных функций и не были представителями местной знати.

19 *драпа в тридцать вис* — Драпой называли парадную хвалебную скальдическую песнь, средняя часть которой была пронизана рефреном, так называемым стевом — регулярно повторяющимся через равное число строк четверостишием или двустышием (впрочем, известны и более изощренные формы стева). В приведенном ниже отрывке из драпы Дагфинна стев (*Гаутов был конунг // Гейрвид достославный*) повторяется всего лишь трижды: в строках 2, 5 и 8, и вопреки ожиданиям не появляется в заключительной 11-й строке. Длина такой хвалебной песни, судя по всему, не регламентировалась: известны драпы как в двадцать, так и в сотню вис и более. В отличие от первой песни Дагфинна, его драпа была сложена в обычном скальдическом размере — дротткветт.

20 *это было начало песни* — Приведенные в рассказе строфы из песни с троекратно повторяющимся стевом показывают, что это утверждение неверно: драпа имеет трехчастную структуру — “вступление” (*upphaf*), “раздел со стевом” (*stefjábálkr*) и заключение (*slæmr*). Поэтому, если судить по формальным признакам, здесь процитированы средняя и частично заключительная части песни. Между тем содержание этих 11 строк, в которых от начала и до конца рассказана история столкновения Гейрвида с Хлегунн, скорее свидетельствует о том, что вопреки утверждению рассказчика, перед нами вовсе не “фрагмент” большой хвалебной песни, но *вся* песнь. Сказанное справедливо и для приведенного выше флокка.

21 *поросль вод* — водоросли.

22 *тропа прибоа* — море.

23 *конь каната* — корабль.

24 *мерин реи* — корабль.

25 *гонители Гёндуль* — воины; *Гёндуль* — имя валькирии = битва.

26 *клёны лат* — воины.

27 *Браги брани* — муж, воин.

28 *табун глади* — корабли.

29 *Ньёрды копий* — мужи, воины.

30 *Ливня стрел искатель* — муж, воин (*ливень стрел* — битва).

31 *сродник князя* — князь.

32 *скрежет жести* — битва.

33 *вранья брага* — кровь.

34 *вихрь дротов* — битва.

35 *Гёндуль* — валькирия, битва.

36 *Хлёк* — валькирия, битва.

37 *хруст Христ* — битва; *Христ* — имя валькирии = битва.

38 *копья пасти* — зубы, клыки.

39 *моржовая межа* — море.

40 *лыжи Ати* — корабль (*Ати* — имя морского конунга, т. е. предводителя дружины викингов; сохранились перечни, состоящие из многих десятков имен таких легендарных персонажей, часть из которых регулярно использовалась в кеннингах корабля и моря).

41 *кобыла Гамми* — корабль (*Гамми* — имя морского конунга).

42 *Герд браслета бездны* — жена, здесь Хлегунн (*Герд* — имя богини; *браслет бездны* — богатство, золото).

43 *Бестла искры пясти* — жена, здесь Хлегунн (*Бестла* — имя богини; *искра пясти* — золото).

44 *Скильвинг лука* — воин, муж, т. е. Гейрвид (*Скильвинг* — потомок легендарных королей).

45 *Скульд звезды пролива* — жена, здесь Хлегунн (*Скульд* — имя богини; *звезда пролива* — золото).

46 *пень пучины* — корабль.

Послесловие

“СОН ОДДИ ЗВЕЗДОЧЕТА” (“Stjörnu-Odda draumr”) — такого рода короткие повествования принято называть “прядами” — сохранился лишь в нескольких бумажных списках конца XVII в. (AM 555 h, 4to и др.)¹, сделанных виднейшим коллекционером и хранителем исландских манускриптов Арни Магнуссоном и его помощниками с пергаментного кодекса “Vatnshyrna” (1391–1395 гг.)². Это созданное на севере Исландии большое рукописное собрание саг (в него, в частности, входило такое знаменитое произведение, как “Сага о людях из Лососьей Долины”) было передано в 1675 г. в библиотеку Копенгагенского университета и впоследствии погибло во время пожара 1728 г.

Рассказ об Одди Звездочете, несомненно, стоит особняком в исландской традиции, да и не только в ней: не будет преувеличением сказать, что перед нами одно из самых необычных и загадочных произведений средневековой литературы, по смелости и произвольности обращения с формой во многом предвосхищающее художественные открытия XX в. Разумеется, в первую очередь это относится к странным превращениям главного героя пряди, ученого-звездочета, сливающегося с персонажем услышанной им во сне саги, вступающего в нее, а затем дважды пересекающего границу между сном и явью, с тем чтобы на короткое время покинуть своего двойника и его историю и перенестись в реальность, а затем возвратиться во внезапно прерванное видение и вновь оказаться в нем на прежнем месте и в прежнем качестве.

Между тем, сколь ни беспрецедентна нарративная и фабульная конструкция пряди, ее создатель возводит ее из вполне традиционных и привычных средневековой исландской аудитории материалов.

Прежде всего это сновидение, используемое в сагах едва ли не всякий раз, когда их персонажам требуется заглянуть в будущее, а управляющему повествованием автору — воспользоваться приемом предвосхищения. Такова же и главная функция произ-

несенных самими сновидцами или услышанных ими во сне стихов (draumvísur): обыкновенно они приводятся в сагах в качестве пророчеств, причем, как правило, зловещих — в них герои получают предупреждения о грядущих несчастьях, кровопролитиях и гибели³. Примечательно, что помимо “Сна Одди Звездочета” в “Vatnshyrna” входили еще два рассказа — “Прядь о курганном жителе” (“Kumlþúa þátttr”) и “Сон Торстейна, сына Халля с Побережья” (“Þorsteins draumr Síðu-Hallssonar”), в которых также пересказывались сновидения и цитировались произнесенные во сне стихи⁴. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что, поместив рассказ об Одди Звездочете по соседству с другими историями о сновидениях, составитель компиляции имел в виду их тематическое сходство. На поверку же, скорее, бросаются в глаза различия. Как и в прочих повествованиях такого рода, в упомянутых двух рассказах сны героев так или иначе соотносены с событиями, которые имеют место наяву и происходят либо с самими сновидцами, либо с окружающими, и эта связь непременно эксплицируется в рассказе. В отличие от них в пряди об Одди Звездочете ни причины, ни последствия сна в рассказе никак не проявляются, они вообще неведомы читателю. В результате у последнего складывается впечатление, что герой видит сон “просто так” — ситуация немыслимая в классической исландской саге! Да и снится герою при этом вовсе не обычный сон (т. е. видение, в аллегорической форме трактуемое некие реальные обстоятельства или прямо пророчествующее о будущем), но литературное произведение, относящееся к главному в Исландии “развлекательному” жанру, — “сага о древних временах”.

Если на время отвлечься от странной фигуры двойника героя пряди, скальда Дагфинна, то приходится констатировать, что ни в сюжете, ни в основных мотивах привидевшейся Одди занимательной истории нет решительно ничего необычного. Юный конунг Гейрвид — типичный сказочный богатырь, одну за другой одерживающий блестящие победы над казалось бы неодолимым противником. В свою очередь и дева-воительница Хлегуни немало напоминает других воинственных героинь “саг о древних временах”, назовем, к примеру, Торнбьёрг, дочь конунга шведов из “Саги о Хрольве сыне Гаутрека”. Нельзя исключить и возможное наличие

прямых параллелей с вполне конкретными произведениями этого жанра. Так, просматривается определенная связь между Хлегунн — сводной сестрой конунга Гейрвида — и королевой-колдуньей Скульд, пошедшей войной на своего единокровного брата, легендарного датского конунга Хрольва Жердинку, и погубившей его и всех его воинов с помощью вызванных зловердными чарами сверхъестественных сил (“Сага о Хрольве Жердинке”)⁵. Нет нужды задерживаться на таком расхожем сказочном мотиве, как лесные разбойники (ср. “Сагу о Кетиле Лососе”), или весьма распространенном в сагах о конунгах древних времен мотиве сидения на кургане (см. примеч. к тексту пряди).

О том, что произведения этого жанра пользовались большой популярностью как в самой Исландии, так и за ее пределами, свидетельствует несколько сообщений в литературе XIII в. Из них следует, что и описываемая в пряди об Одди ситуация — вновь прибывшего на хутор Мули гостя после вечерней трапезы просят о *sagnaskemtan* (“развлечении сказанием”), и он рассказывает сказочную сагу на забаву обитателям усадьбы, — отнюдь не уникальна. Как говорится в пряди о другом ученом исландце и поэте, Стурле Тордарсоне, находясь на корабле норвежского короля Магнуса Хаконарсона (этот эпизод относится к 60-м годам XIII в.), он по просьбе дружинников рассказывает сагу о великанше Хульд, как замечает автор истории, к большому удовольствию собравшихся, по мнению которых, он исполнил эту не дошедшую до нас фантастическую сагу “лучше и с большим умением, чем прежде доводилось слышать ее кому-либо из тех, кто при этом присутствовал”⁶. Однако самое знаменитое свидетельство о *sagnaskemtan* относится к более раннему времени — к началу XII столетия. В часто цитируемом сообщении, которое содержится в “Саге о Торгильсе и Хавлиди”, описывается празднество, устроенное по случаю свадьбы в Рейкьяхolare в 1119 г., где среди прочих развлечений рассказывались и саги. Сказано, что Хрольв со Скальмарнеса рассказал несколько саг (судя по их названиям и комментариям автора, это также были “саги о древних временах”), в том числе сагу о Хромунде Гривссоне “со многими висами <...>, которую он сам составил”, а Ингимунд священник — сагу об Орме Баррейяр-Скальде, также “со многими виса-

ми и хорошим флокком в конце, который сложил сам Ингимунд”. Из этого же сообщения мы узнаем, что первую из упомянутых в нем саг “рассказывали королю Сверриру, и он говорил, что такие лживые саги (*lygisögur*) всего забавнее”⁷.

Прядь об Одди Звездочете могла бы, таким образом, занять свое место в ряду аналогичных свидетельств устного исполнения “саг о древних временах” (с поправкой на то, что сага рассказывалась во сне!) как средства заполнения вечернего досуга обитателей исландской усадьбы. Однако и на этот раз бросаются в глаза немаловажные отличия: в других случаях анонимные авторы всего лишь сообщают о том, что при таких-то обстоятельствах кем-то была рассказана такая-то сага, в то время как в пряди об Одди мы находим еще и самую эту исполненную сагу, т. е. условное литературное произведение, “вложенное” в рассказ о его исполнении, — рассказ в рассказе.

Не отсюда ли многочисленные приметы того, что сага эта не только, а временами и не столько “происходит” — как это обычно бывает, разворачивается или разыгрывается перед читателем в сценическом действии (с точки зрения средневековых исландцев, “сага” — это одновременно и то, что случилось с героем, и повествование об этом, а потому, как гласит известная поговорка, “каждая сага должна рассказываться так, как она происходила”), — сколько “пересказывается” со слов ее рассказчика? Не случайно повествование о Гейрвиде буквально пронизывают “формулы наррации”, причем наряду с вполне традиционными для сагового стиля клише (“теперь надо рассказать о том, что...”) встречаются и прямые свидетельства дистанцирования автора пряди от вставного рассказа (“в саге рассказывается о том, что...”, “упоминается также о том, что...”). Знаменательно, что это относится не только к первой части саги: напомним, что ее рассказчик — некий приснившийся герою безымянный посетитель усадьбы, тогда как сам Одди на этом этапе всего лишь пассивный слушатель гостя, но и ко второй, где сказитель исчезает, а рассказ ведется уже только со слов пережившего погружение в сагу Одди. Ярче же всего это дистанцирование автора пряди от вставного повествования, а тем самым и нарочитое обозначение условности последнего, проявляются в произвольном и

демонстративном свертывании отдельных сцен саги, а также в заявленном отказе рассказчика от сообщения тех или иных подробностей (ср. сцену сражения конунга с разбойниками или сообщения о сватовстве героев).

Что же до нарративной конструкции “текст в тексте”, то при всем своеобразии употребления ее в “Сне Одди Звездочета” и она не принадлежит к числу новаций анонимного автора этого произведения. Как нам уже приходилось отмечать в другом месте⁸, неведомая классической “семейной” саге, однако очевидным образом культивируемая пряжами повествовательная структура “текст в тексте” явилась прямым продолжением приема ретроспекции, использование которого было связано с разработкой техники поворотного пункта. Всякий внутренний рассказ в пряжах — это неизменно рассказ о прошлом, тем или иным образом соотнесенный с разыгрывающимся в настоящем действием главного (“обрамляющего”) рассказа, и его главная функция в повествовании — вызвать неожиданную (как правило — благотворную) перемену в судьбе героя. Исключение составляет лишь прядь об Одди Звездочете, где время обрамленного рассказа оказывается замкнутым в себе, псевдоэпическим абсолютным прошлым “саги о древних временах”, никак не связанным с событиями главного рассказа и судьбой его героя. Иными словами, неведомый создатель пряди об Одди, судя по всему, обошелся со структурой “текст в тексте” точно так же, как он обошелся и с рассказом о сновидении: и тот и другой традиционный прием используется в этой истории в совершенно не свойственном им качестве.

Но, может быть, это лишь видимость, и нам, напротив, следует допустить невероятное: а именно то, что, сочетая эти по сути своей противоположные повествовательные приемы в затейной им сложной литературной игре, автор пряди как раз и имеет в виду их привычную семантику? В таком случае он должен был посылать сигналы читателю, что сон здесь все же каким-то образом соотносится с явью и связан то ли с грядущими событиями, то ли с некими прошлыми обстоятельствами жизни того, кому он якобы пригрезился, и что читателю предстоит доискиваться до правды, спрятанной в фабуле и действиях персонажей сказочной саги.

Не на это ли, в частности, намекает необыкновенное превращение ученого исландца из слушателя саги в ее героя, сопровождающееся установлением тождества Одди—Дагфинн?

Прежде всего на такие подозрения наводит личность героя пряди. Дело в том, что Одди сын Хельги по прозвищу Звездочет — лицо не вымышленное. Под этим именем известен один из выдающихся астрономов первой половины XII столетия (предполагаемые годы жизни 1070/80—1140/50)⁹, составитель так называемого “Счисления Одди” (“Oddatala”, ок. 1120), день за днем фиксировавшего величины солнечного склонения, а также время восхода и захода солнца в различные периоды года. Многолетние наблюдения Одди за движением светил и сделанные им вычисления по своей точности намного превосходили аналогичные результаты западноевропейских астрономов той эпохи и были положены в основу исландского календаря¹⁰.

Поскольку прядь сама по себе не проливает свет на возможную взаимосвязь обрамленного рассказа и его обрамления, естественно было бы обратиться к фактам биографии прототипа ее главного героя, известным из других исландских источников. Именно по такому пути и пошли издатели “Сна Одди Звездочета”, однако добытые ими сведения оказались крайне скудны. Из них следует, что Одди действительно жил на хуторе Мули у родовитого бонда (хозяина) Торда, в котором предполагают представителя древнего рода годи Рейкьядаля¹¹. Исландские генеалогии дают даже основания считать, что Одди породнился со своим хозяином, женившись на его дочери: известно, что некий Сигурд сын Стюркара, сына Одди, жил в Мули ок. 1187 г. Кроме того, в анналах имеются глухие упоминания о том, что в 1123 г. Торд сын Аскеля (=Торд из Мули?) принимал участие в каких-то столкновениях из-за годорда Рейкьядаля, а в конце XII в. этот годорд оказывается разделенным между тремя владельцами, одним из которых был предполагаемый внук Одди, уже упомянутый Сигурд сын Стюркара, а другим — муж его сестры Ингирид.

На взгляд издателей рассказа, картина, вырисовывающаяся из этих разрозненных сведений такова. За образом гаутского конунга Гейрвида вполне может скрываться хозяин Одди, Торд из Мули: подобно тому, как Дагфинн получает в жены сестру своего гос-

подина, Одди женится на хозяйской дочери. Разоряемое немирьем королевство Гейрвида, треть которого была отдана ярлу Хьёрварду и затем отвоєвана его воинственной наследницей, — на самом деле не что иное, как поделенный на три части годорд Рейкьядаля, из-за которого враждуют несколько видных исландских семейств. Отдельные топонимы, с помощью которых описывается пространство приснившейся герою саги, вполне могут обыгрывать реальную топографию местности, в которой жил Одди (см. комментарии к переводу). Все эти предположения подкрепляются тем, что автор пряди явно устанавливает связь между звездочетом из Мули и его двойником из саги: в имени Dagfinnr (первая часть его означает “день”, а вторая омонимична глаголу finna — “находить, узнавать”) содержится прозрачный намек на ученые занятия Одди — его наблюдения над долготой дня¹².

Как бы ни относиться к приведенной интерпретации пряди, — нетрудно заметить, что помимо реальных фактов она основывается и на ряде допущений, — она оставляет без ответа несколько центральных вопросов. Прежде всего, почему распри между родовитыми исландцами нашли отражение не в обычной саговой форме (помимо “семейных саг”, повествующих о событиях так называемого века саг, т. е. X—XI столетий, в Исландии XIII в. создавались и “саги о современности”), но потребовали столь прихотливого иносказания? Главное же: зачем анонимному автору пряди понадобилось делать своего героя — человека, который, как он сам спешит сообщить читателю, “не был скальдом и не хранил в памяти стихов”, — придворным поэтом, да еще и сочинившим во сне (и, как оказалось, способным вспомнить наяву!) целых две хвалебные песни в честь конунга?

Вполне возможно, что именно образ двойника ученого звездочета, конунгова дружинника и скальда Дагфинна и может послужить ключом к разгадке этого странного литературного произведения. Дело в том, что поведение этого персонажа в привидевшейся Одди саге находится в столь разительном противоречии с традиционным изображением придворного поэта, что заставляет заподозрить, что перед нами — пародия.

И действительно: в отличие от королевского скальда, неизменно храброго воина и ближайшего соратника своего государя,

бывшегося бок о бок с ним в сражениях и благодаря этому становившегося их очевидцем, способным воспеть в хвалебных стихах подвиги конунга и его дружины (вспомним хотя бы, знаменитый эпизод из “Круга Земного”¹³, в котором Олав Святой перед битвой при Стикластадире велит своим скальдам быть рядом с ним, дабы “видеть все, что происходит, собственными глазами”, поскольку потом они должны будут “рассказать об этой битве и сложить о ней песни”, — обязанность, которую никто из них не смог выполнить, так как все они пали в бою вместе с конунгом), Дагфинн вовсе не демонстрирует героизма. В эпизоде с разбойниками он откровенно заявляет о своем нежелании вступать в поединок и, предоставив конунгу самому справляться с берсерками, удаляется в безопасное место, чтобы оттуда наблюдать за боем. Также и в битве с Хлегунн мы видим его не участником сражения, смело разящим врагов плечом к плечу со своим предводителем, но умным советчиком, разгадывающим коварные уловки колдуньи и докладывающим о них конунгу.

Не менее удивительно отношение к странному поведению этого скальда-дружинника и самого юного правителя. Вопреки ожиданиям, он не только не прогоняет его от себя с позором во время их совместного похода, но принимает поступок своего трусливого спутника как должное, а затем благосклонно выслушивает сочиненный Дагфинном флокк и жалует ему богатый подарок. И тут мы вновь становимся свидетелями необъяснимого поведения скальда. Вместо того чтобы с благодарностью принять положенную ему “плату за песнь”, как сделал бы на его месте любой другой скальд, он наотрез отказывается от предложенного ему драгоценного дара. То же повторяется и с вознаграждением за сложенную им впоследствии драпу — Дагфинн и на этот раз не желает принимать конунгово золото, однако не отказывается от благородной невесты и, получив таким образом явно чрезмерную плату за королевский панегирик, неожиданно для себя становится вторым лицом в государстве.

Как видим, перед нами перевернутые ситуации¹⁴ и ценности: то, что никогда не произошло бы наяву или, произойдя, заведомо не получило бы оправдания в глазах общества, представляется само собой разумеющимся во сне. Впрочем, автор пряди не

скрывает, чего на самом деле стоит, по его мнению, изображенная в рассказе другая реальность сна, по всей видимости, преднамеренно облеченная им в сказочную форму “лживой саги”. Об этом можно судить хотя бы по его оценке поэтической продукции Одди-Дагфинна — единственному свидетельству правдивости описанного им странного происшествия, преодолевающего границу между сном и явью. Тот, кто никогда не был скальдом в действительности, на время обретает поэтический дар во сне, сочиняя заслуживающие всеобщего признания флокки и драпы, которые, однако, как потом выясняется, не выдерживают света дня, на поверку оказываясь посредственными, “топорными” стихами¹⁵.

Подобное ниспровержение придворного скальда совершенно необъяснимо, если не предположить, что за изображенной в рассказе об Одди Звездочете фигурой Одди-Дагфинна скрывается не скальд как таковой и не ученый составитель солнечного календаря, но совсем другое и также вполне конкретное лицо. Убедительные аргументы на этот счет были высказаны известным специалистом по сагам Херманном Паулссоном, выдвинувшим гипотезу о том, что в образе главного героя пряди был выведен не кто иной, как один из самых образованных и знаменитых исландцев XIII в. — Снорри Стурлусон¹⁶.

И в самом деле, целый ряд деталей биографии этого виднейшего скальда, историка и политического деятеля “века Стурлунгов” дает основания для подобных подозрений. Прежде всего обращает на себя внимание соединение двух имен — имени ученого звездочета и главного героя рассказа Oddi, совпадающего с названием хутора Oddi, важнейшего центра учености в средневековой Исландии, где воспитывался Снорри Стурлусон, и имени двойника героя пряди, скальда и советчика конунга Гейрвида, Дагфинн. Лицо, носящее то же имя, лагманн Дагфинн Бонд (ум. 1237 г.) находился при малолетнем Хаконе Хаконарсоне (род. 1204 г.), покровителе, а затем враге Снорри, еще до его вступления на норвежский престол (1217 г.) в период смуты, а впоследствии — в качестве его советника, и Снорри, по всей вероятности, не только встречался с ним во время своего пребывания при норвежском дворе в 1218–1220 гг., но и мог

быть с ним в дружбе, поскольку, как отмечается в “Саге об исландцах” (самой значительной из саг, входящих в “Сагу о Стурлунгах”), лагманн был “большим другом исландцев”¹⁷. Помимо знаменательной пары Одди-Дагфинн бросается в глаза и другая возможная параллель с реальными событиями, непосредственно предшествовавшими приезду Снорри на континент: разоренье, царящее в приснившемся Одди королевстве юного конунга Гейрвида, с которым тот справляется по достижении 12-летнего возраста, и немирье в Норвегии в период заключительного этапа гражданских войн, которым были отмечены начальные годы правления Хакона, ставшего королем двенадцати или тринадцати лет от роду.

В “Саге об исландцах” сообщается также о небывалом вознаграждении, которое Снорри получил от ярла Скули (бывшего в то время наместником конунга Хакона и, как и ярл Хьёрвард из приснившейся герою нашей пряди “саги о древних временах”, управлявшего третьей страны) за сочиненные в его честь хвалебные песни: в саге сказано, что “ярл дал ему корабль и пятнадцать богатых даров в придачу; Снорри сочинил о ярле две песни”¹⁸. Ни один скальд никогда не получал столь высокой платы за свою поэзию, — не исключено, что именно это обстоятельство могло лежать в основе пародийного перевертывания ситуации пожалования/принятия вознаграждения за хвалебные песни, которое мы находим в пряди об Одди Звездочете. Это тем более вероятно, что, по свидетельству все того же источника, успехи Снорри при норвежском дворе вызывали нескрываемое раздражение у его врагов в Исландии, а сложенные им в честь ярла и так дорого оцененные этим правителем драпы подвергались в их среде поношению и пародированию. “Люди с юга высмеивали стихи, которые Снорри сложил о ярле, и переименовывали их. Торрод из Залива Тюленей отдал одному человеку овцу” за вису, в которой пародировался стев из Снорриевой драпы: *Harðmúlaðr vas Skúli... / ramblíks framast miklu... / gnarþjarls skaraðr jarla* — “Скули, жестокий к сильному блеску моря (т. е. к золоту), был первейшим из ярлов”. В этой пародийной висте обесценно обыгрывался употребленный Снорри по отношению к ярлу (и действительно странный в контексте пане-

гирика) эпитет *harðmúlaðr* “жестокомордый”, после чего говорилось, что ярлу никогда еще не преподносили “большого помета коршуна моря трупа”, т. е. более бездарных стихов¹⁹. Знаменательно, что подхваченное в поэме Снорри и использованное в поносных стихах прилагательное *harð-múlaðr* — производное от того самого существительного *múli* “морда” и “утес”, которое послужило названием усадьбы *Múli*, где проживал герой пряди и где, как ему приснилось, и была рассказана сага о Дагфинне и Гейрвиде, — обстоятельство (кстати говоря, замеченное Херманном Паулссоном), также говорящее в пользу высказанной гипотезы: напомним, что и имя Oddi соотносится с названием хутора, где воспитывался Снорри. В свете всего сказанного едва ли можно пройти мимо еще одного знаменательного топонима — указанного в пряди места расположения усадьбы хозяина Одди, Рейкьядаль: ведь в долине с тем же названием, однако не на севере, а на западе Исландии, стоял прославленный Рейкьяхольт — усадьба, где в течение 35 лет вплоть до своей гибели жил сам Снорри Стурлусон!

Вернемся, однако, к засвидетельствованной “Сагой об исландцах” суровой оценке хвалебной поэзии автора “Младшей Эдды”. Нетрудно заметить, что она совпадает с тем приговором, который был вынесен автором пряди сочиненным во сне панегирическим песням Одди-Дагфинна. Между тем, оценивая столь несправедливо поэзию Снорри, его враги были куда ближе к истине, когда намекали на его трусость. Судя по тому, что нам известно об этом великом исландце, ему действительно больше пристала роль советника и дипломата, нежели воина. Забота о собственной выгоде, а также постоянное стремление к влиянию и власти вовлекали его в многочисленные распри. При этом в противоположность большинству могущественных исландцев того времени он не отличался воинственностью и сам никогда не участвовал в сражениях. Поведение его давало поводы для насмешек и упреков в том, что он горазд слагать стихи, а не действовать. Об этом же свидетельствует и приведенный в “Саге о Стурлунгах” рассказ о гибели Снорри. Вместо того чтобы по примеру не раз описанных им героев саг с оружием в руках встретить пришедших в его дом врагов, он попытался спрятать-

ся от них в погребу и, будучи обнаруженным там, дважды попросил пощады: “Не надо разить”²⁰. Излишне напоминать, что не отличался храбростью и Дагфинн.

В пользу предположения о том, что в образе ученого сновидца и его двойника — героя “лживой саги” — был выведен именно создатель “Младшей Эдды” и “Круга Земного”, говорят и некоторые другие детали, намеки на которые вполне можно усмотреть в пряди. Известно, например, что во время своего пребывания в Норвегии и почти одновременно с событиями, вызвавшими столь резкие нападки его недругов, летом 1219 г. Снорри посетил Гаутланд — место действия саги о конунге Гейрвиде, — где встретился с Кристин, вдовой ярла Хакона Шального (о вдовстве трижды говорится и в рассказанной во сне саге). По сообщению “Саги об исландцах”, Снорри сочинил о ней песнь, за которую также был щедро вознагражден²¹. Не исключено, что название этой песни — *Andvaka* “Бессонница”, вывернутое и превращенное стараниями недоброжелателей знаменитого исландца в поэму, сочиненную во сне, и могло послужить непосредственным толчком для появления столь странного рассказа о придворном скальде.

Предложенное толкование пряди об Одди Звездочете как пародии не только способно пролить свет на обстоятельства рождения этого необыкновенного произведения. Если прототипом главного героя действительно был Снорри Стурлусон, — перед нами тот редкий случай, когда оказывается возможным исходить из довольно точной датировки пряди. Естественно полагать, что последняя в силу своей “злободневности”, вероятнее всего, могла быть написана в 20-е или 30-е годы XIII в. и встраивалась в тот общий поток пародирования и поношений, который обрушивали на Снорри его противники и критики. Эта датировка не противоречит и некоторым особенностям языка и стиля пряди об Одди Звездочете, в частности, присутствующим в якобы приснившейся ее герою саге о правителях Гаутланда немногочисленным “куртуазным” заимствованиям, вероятно, проникшим из переводов рыцарской литературы: последняя интенсивно перекладывалась на древноревежский язык с 20-х годов XIII столетия²².

Разумеется, любые толкования столь необычного сочинения, как предложенный вниманию читателя средневековый исландский рассказ, обречены оставаться лишь более или менее правдоподобными гипотезами. Единственное, что в подобных случаях под силу исследователю, — попытаться поставить это произведение в тот литературный и исторический контекст, в котором оно появилось и сквозь призму которого оно только и может рассматриваться. Как представляется, для большей объемности этого воссозданного здесь в самых общих чертах исландского литературного “контекста” XIII столетия в заключение нам следовало бы напомнить о еще одном необычном произведении, известность которого, однако, далеко превосходит скромную славу “Сна Одди Звездочета”.

Речь идет о “Видении Гюльви” (“Gylfaginning”) — первой части “Младшей Эдды”, знаменитого учебника поэтического искусства, приписываемого Снорри Стурлусону. Как известно, в этой части книги систематизированы и последовательно изложены обширные мифологические сведения (отчасти почерпнутые из цитируемых здесь же древнескандинавских эпических песней), необходимые для понимания и верного истолкования стихов скальдов. Составленное в форме вопросов и ответов — шведский конунг Гюльви-Ганглери наивно выпрашивает “древнюю премудрость” у восседающих на возвышающихся один над другим престолах трех конунгов-асов, именуемых Высокий, Равновысокий и Третий, — “Видение Гюльви” обнаруживает явную связь со средневековыми диалогическими трактатами, построенными как беседы учителя с учеником. Однако не может не броситься в глаза необычность обрамления этой центральной сцены, как считается, выдающее воззрения автора, христианина XIII в., на языческую мифологию.

Нижеследующая цитата из “Видения Гюльви”, которой нам кажется уместным завершить заметки по поводу рассказа о странном происшествии с ученым звездочетом, приводится здесь вовсе не с целью установления параллелей между этими, по всей видимости, весьма далекими друг от друга произведени-

ями. Едва ли между ними вообще наличествует какая-нибудь связь, кроме разве что той, что в обоих повествованиях излагаются видения (в древнеисландской литературе никогда не проводилось различий между снами и видениями, увиденными наяву). В случае с Гюльви посланное ему видение оказывается мороком, наваждением — асы морочили Гюльви (gipping и означает “морок, обман”), в ходе их беседы не сказав ему ни слова правды ни о мироустройстве, ни о прочих интересовавших его вещах. Однако, как явствует из завершения рассказа, расставшись с ним, они поспешили привести реальность в соответствие с собственной выдумкой:

«<Высокий сказал:> “И если ты станешь расспрашивать дальше, не знаю, откуда ждать тебе ответа, ибо не слыхивал я, чтобы кому-нибудь поведали больше о судьбах мира. Довольствуйся тем, что узнал”.

И в тот же миг Ганглери услышал кругом себя сильный шум и глянул вокруг. Когда же он хорошенько осмотрелся, видит: стоит он в чистом поле и нет нигде ни палат, ни города. Пошел он прочь своей дорогой, и пришел в свое государство, и рассказал все, что видел и слышал, а вслед за ним люди поведали те рассказы друг другу.

Асы же стали держать совет и вспоминать все, что было ему рассказано, и дали они те самые имена, что там упоминались, людям и разным местностям, которые там были, с тем, чтобы по прошествии долгого времени никто не сомневался, что те, о ком было рассказано, и те, кто носил эти имена, это одни и те же асы...»²³.

Как бы ни трактовать отразившееся в заключении “Видения Гюльви” отношение создателя “Младшей Эдды” к языческому наследию, нетрудно заметить, что по странности и прихотливости замысла процитированный текст ничуть не уступает обсуждавшейся здесь истории об исландском сновидце.

- 1 Перевод выполнен по изд.: Íslendinga sögur og Þættir. I—III / Ed. Bragi Halldórsson et al. (Svart á hvítu). Reykjavík, 1987. III. Bls. 2231—2243.
- 2 Букв. “Книга из Заболоченной Местности”: название происходит от исландского хутора Stóra Vatnshorn, где хранилась рукопись.
- 3 См. подробнее о таких стихах: Гуревич Е.А. Стихи, услышанные во сне: об одном типе поэтических вставок в древнеисландской прозе // Стих и проза в европейских литературах Средних веков и Возрождения / Под ред. Л.В. Евдокимовой. М., 2006. С. 86—116.
- 4 См. перевод последней в кн.: Исландские саги / Пер. А.В. Циммерлинга. М., 2000. С. 270—272.
- 5 См. об этих параллелях в предисловии к изданию пряди: Harðar saga / Þórhallur Vilmundarson; Bjarni Vilhjálmsson gáfu út (Íslenzk fornrit. XIII). Reykjavík, 1991. Bls. CCXIII—CCXIV.
- 6 Sturlunga saga. Bd. I—II / Udg. K. Kålund. København; Kristiania, 1906—1911. Bd. II. S. 327.
- 7 Ibid. Bd. I. S. 22. См. также: Foote P. Sagnaskemtan: Reykjahólar 1119 // Foote P. Aurvandilstá. Norse Studies. Odense, 1984. P. 65—83.
- 8 Гуревич Е.А. Древнескандинавская новелла: поэтика “прядей об исландцах”. М., 2004 (гл. “Об одной особенности нарративной структуры прядей”).
- 9 Harðar saga (Íslenzk fornrit. XIII). Bls. CCXIII.
- 10 О вычислениях Одди см.: Beckman N. & Kålund Kr. Alfræði íslenzk: Íslandsk encyklopædisk litteratur. II. Rímtöl. Copenhagen, 1914—1916. Bls. 48—53; Ólsen B.M. Um Stjörnu-Odda og Oddatölu // Afmælisrit til Dr. Phil. Kr. Kålungs bókavarðar við safn Árna Magnússonar 19. ágúst 1914. Copenhagen, 1914. Bls. 1—15; Jón Jóhannesson. Íslendinga saga. A History of the Old Icelandic Commonwealth. Un. of Manitoba Pr., 1974. P. 159; Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. С. 14.
- 11 Harðar saga (Íslenzk fornrit. XIII). Bls. CCXVIII. В языческие времена годи были жрецами, владельцами капищ, и одновременно предводителями местного населения своей округи — годорда. В 964 г. было установлено фиксированное число годордов в каждом тинге (окружном народном собрании), которое равнялось трем. Годорды передавались по наследству, однако их можно было продавать или уступать. С принятием христианства годорды утратили культовый характер, но до конца эпохи народоправства (1262 г.) годи сохраняли определенные властные функции.
- 12 Ibid. Bls. CCXIV—CCXV.
- 13 Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980. С. 351.
- 14 Это относится и к способу представления в пряди внутреннего рассказа, обрамляющего сагу о Гейрвиде вплоть до появления в ней Дагфинна и прорыва этой “внутренней рамы”: Одди находится в гостях далеко от дома, но снится ему, что он дома, и туда явился гость, который и исполняет сагу.
- 15 И действительно, драпа Дагфинна содержит немало погрешностей против скальдической формы.

- 16 Hermann Pálsson. Hirðskáld í spéspegli // Skáldskaparmál. Tímarit um íslenskar bókmenntir fyrri alda. 2. hefti. Reykjavík, 1992. Bls. 160—168.
- 17 Íslendinga saga, kap. 38. Здесь и далее “Сага об исландцах” цит. по: Sturlunga saga / Ed. Jón Jóhannesson et al. Reykjavík, 1946. Fyrra bindi. Bls. 278.
- 18 Ibid.
- 19 Ibid. Bls. 278 f. Кеннинг “помет коршуна моря трупа” (где “море трупа” = кровь, “коршун крови” = орел, “помет орла” = плохая поэзия) восходит к мифу об обретении асами поэтического меда. Один, укравший чудесный напиток у великана Суттунга, спасаясь от преследования, принял обличье орла и, прилетев в Асгард, выплюнул мед в подставленные ему сосуды — этот мед впоследствии достался искусным скальдам, однако небольшая часть меда была выпущена им через задний проход, и ее с тех пор подбирают бездарные поэты.
- 20 Íslendinga saga, kap. 151 // Sturlunga saga. Bls. 454.
- 21 Ibid., kap. 35. Bls. 271 f.
- 22 См. статистический анализ подобных заимствований в статье: Schach P. Some Observations on the Translations of Brother Róbert // Les relations littéraires franco-scandinaves au Moyen Âge: Actes du colloque de Liège (avril 1972). P., 1975. P. 117—135. О переложениях рыцарской литературы в Скандинавии см.: Матюшина И.Г. Поэтика рыцарской саги. М., 2002.
- 23 Младшая Эдда. М., 1994. С. 95—96. Пер. О.А. Смирницкой.

Перевод с древнеисландского, комментарии
и послесловие Е.А. Гуревич